
Lord Wild
Архив миров №38: Солнце в крови
18+

Lord Wild

Архив миров №38: Солнце в крови

Серия «Архив миров», книга 17

https://litres.ru/73578401
SelfPub; 2026

Аннотация

Он родился в эпоху, когда рушились империи, выживал на рынках девяностых, прошёл криминал, армию, потерю веры и любовь, которая не спасла, но дала надежду. Он знал, как устроен мир: деньги, власть, страх — всё подчинялось механике. Но знание убило в нём способность чувствовать, и он встретил старость в пустоте, оставив сыну лишь обещание: «Когда-нибудь я научусь жить».

Сто сорок два года спустя он открывает глаза в мире, где люди вышли к звёздам, где бессмертие стало технологией, а космос — не пустотой, а сетью древних цивилизаций. Его разум — единственный, кто помнит, каково это — быть человеком до того, как человечество изменилось. Ему предстоит не просто освоиться в будущем, но стать мостом между Землёй и галактикой, между смертным страхом и бесконечностью.

Реализм 90-х, психологическая драма, космическая фантастика и философская притча — в одной книге.

Lord Wild
Архив миров №38:
Солнце в крови

Человек рождается не тогда, когда выходит из чрева матери, а когда впервые понимает, что отец его – не бог, а жалкий человек. И спасать приходится самому себя.

Глава 1. Привокзальная площадь. 1989 год

Море во Владивостоке пахнет не так, как пишут в книгах. В книгах оно пахнет солью, свободой и йодом. Настоящее море здесь, на мысе Чуркина, пахнет мазутом, сырой рогожей, которой накрыты ящики с крабом, и пресной водой, текущей из прорванной трубы прямо в сточную канаву. Мальчишка по имени Андрей знал этот запах раньше, чем запах материнского молока. Вернее, молока он почти не помнил. Мать работала на судоремонте, молоко пропало от недосыпа и вечной дрожи за завтрашний день.

Ему было шесть лет, когда он впервые осознал, что мир несправедлив. Осознал не умом, не тем рассудком, который потом назовут феноменальным, а всем телом – спиной, которой было холодно спать, и пустым желудком, который требовал еды.

Дом на Спортивной, старая сталинка с высокими потол-

ками и облупившейся лепниной на фасаде, была их крепостью и их клеткой. Отец, Виктор Николаевич, до того как его имя стали произносить шепотом, работал механиком на рыболовецком траулере. Ходил в рейсы на три-четыре месяца, возвращался с деньгами, подарками и тем особенным, соленым запахом дальних странствий, который казался Андрею запахом настоящей мужской жизни.

Но перестройка смешала всё. Траулеры встали у причалов, как дохлые киты. Деньги обесценились, а потом их и вовсе перестали платить. Отец, привыкший к суровой морской дисциплине, к четкой иерархии: капитан – бог, механик – правая рука, оказался в городе, где правил хаос. Сначала он пил по вечерам. Потом – с утра. Потом пил постоянно.

В тот день, который навсегда врезался в память, Андрей сидел на корточках у входа в продовольственный магазин на Светланской. Дело было осенью. В лицо дул сырой ветер, перемешанный с первым снегом, который таял, не долетая до земли. Андрей ждал отца. Мать сказала: «Сходи, приведи. Иначе он там и останется». Сказала устало, без истерики. В её голосе уже не было надежды, только обязанность.

Он нашел его не в магазине. Отец сидел на ступеньках, ведущих к подземному переходу. Он сидел, неестественно выпрямив спину, как будто всё ещё был на капитанском мостике, но глаза его смотрели внутрь себя, в какую-то темную, маслянистую пустоту. Рядом валялась пустая бутылка из-под портвейна «777». Вокруг неё темнело мокрое пятно

– кто-то споткнулся, разбил.

Андрей подошел и остановился. Он не испытывал страха. Страх прошел год назад, когда отец впервые поднял руку на мать, а Андрей, маленький, тощий, вскочил между ними и получил сковородкой по голове. Тогда было больно, обидно и страшно. Сейчас – нет.

– Пап, пойдем, – сказал он тихо.

Отец медленно, как заводная кукла, повернул голову. Глаза его сфокусировались на сыне с трудом. В них мелькнуло что-то, похожее на узнавание, а потом – глубокая, животная тоска.

– А-а, Андрюха, – голос был сиплым, как у старого мотора. – Сынок. Уважь отца. Есть хочешь?

– Пойдем домой, мама волнуется.

– Домой… – отец усмехнулся, обнажив желтые, редкие зубы. – Дома… там баба. Там потолок давит. А здесь… здесь воздух. Море.

Он попытался встать, но ноги не слушались. Он осел обратно, и Андрей, сам того не ожидая, протянул ему руку. Не маленькую мальчишескую ладонь, на руку, которая уже знала, что такое тяжелая сумка с картошкой, которую нужно тащить от рынка, и что такое удерживать от падения пьяное тело.

Отец посмотрел на эту руку. На минуту в его взгляде появилась трезвая ясность, и он сказал фразу, которую Андрей запомнил на всю жизнь, хотя тогда не понял ее смысла:

– Не бери в руки чужую ношу, сынок. Свою не донесешь.

Андрей не убрал руку. Он подождал, пока отец, кряхтя и матерясь сквозь зубы, поднимется сам, ухватившись за перила. Всю дорогу домой – по Светланской, мимо гостиницы «Владивосток», мимо Дома офицеров флота, вверх по Океанскому проспекту – они шли молча. Отец покачивался, как корабль в шторм, Андрей шел чуть сзади и правее, готовый подхватить, но не прикасаясь.

В тот день он понял, что отец больше не защитник. Он – груз. И этот груз, хочешь не хочешь, придется нести. Потому что мать не выдержит. Потому что есть еще младший брат, Димка, который спит в кроватке и ничего не понимает.

Дома мать, невысокая, худая женщина с руками, покрытыми мелкими шрамами от металлической стружки, молча раздела отца, уложила на диван. Она не плакала. Она посмотрела на Андрея и сказала:

– Умница. Иди, поешь. Я тебе гречку с тушенкой оставила.

Гречка была жесткой, тушенка – холодной и жирной. Андрей ел медленно, чувствуя, как тепло разливается по телу. За окном шумел город, готовящийся к ночи. Где-то лаяли собаки, где-то играла музыка из открытого окна, кто-то громко выяснял отношения на лестничной клетке.

Он сидел на кухне, придвинув табурет к плите, чтобы было теплее, и смотрел на свои руки. Они были в грязи, с обломанными ногтями, с царапиной на большом пальце – по-

резался о жестяную крышку, когда открывал тушенку. Руки шестилетнего мальчика. Руки, которые должны были держать игрушечный кораблик, а держали взрослого мужика.

Он вымыл за собой посуду. Вытер столешницу тряпкой, сложил её треугольником и повесил на край мойки, как учила мать. Потом зашел в комнату. Отец храпел, разметавшись на диване. Мать сидела в кресле, курила «Приму» и смотрела в одну точку. Димка тихо сопел в своей кроватке, отгороженной фанерным листом от остальной комнаты.

– Ложись, сынок, – сказала мать, не глядя на него.

Андрей лег на свой раскладной топчан, укрылся старым армейским одеялом, пахнущим потом и махоркой. Он лежал с открытыми глазами и слушал, как город затихает. Где-то далеко, на рейде, гудел буксир. Голос у него был низкий, протяжный – как будто море жаловалось кому-то на свою неволю.

Перед тем как заснуть, Андрей подумал: «Когда вырасту, у меня не будет так. Я не буду пить. Я буду сильным. Я буду всё держать под контролем». Он не знал тогда, что это обещание, данное самому себе в шесть лет, станет стержнем, на который наносится вся его жизнь. Стержнем, который согнет его, но не сломает.

Глава 2. Рынок. 1993 год

Десять лет. Возраст, когда в других городах мальчишки гоняют мяч во дворе, играют в казаки-разбойники и тайком курят за гаражами. Во Владивостоке начала девяностых де-

сять лет – это возраст работника. Неофициального, конечно, какие документы, на работника, который знает цену рублю, времени и слову.

Рынок на Спортивной – место, которое сформировало Андрея больше, чем школа. Сначала он просто таскался за матерью. Она вставала в пять утра, чтобы занять место. Торговала китайским ширпотребом: куртки-«алиски», кроссовки-«двушки», болоньевые ветровки кислотных цветов. Мать не была «челноком» в чистом виде – она была перекупщицей, брала товар у тех, кто ездил в Китай, и продавала с наценкой в пять-десять процентов. Навара хватало ровно на то, чтобы не умереть с голоду, но не больше.

Андрей вставал вместе с ней. Он научился спать урывками, просыпаться от любого шороха, потому что в их коммуналке на Спортивной тишина была опасна. Тихо – значит, кто-то замышляет. Тихо – значит, сосед дядя Гриша, бывший зэк с нашивками на пальцах, задумал что-то недоброе.

– Держи, – мать протягивала ему мешок с образцами. – Будешь на прилавке. Я – в контейнер за новой партией.

Он кивал. Он знал, что делать. Нужно улыбаться. Улыбка – это самый дешевый товар, но он продает всё остальное. Улыбайся бабам, которые приходят поглазеть, но не купить. Улыбайся мужикам, которые норовят ущипнуть за щеку или, еще хуже, суют мятую купюру за «мальчика на побегушках». Улыбайся ментам, которые проходят по рядам, собирая дань. Улыбайся, но глаза держите открытыми. Смот-

ри, кто берет товар, кто просто трогает, кто отвлекает внимание.

Он научился считать деньги быстрее, чем считать до ста. Он научился отличать фальшивую купюру от настоящей на ощупь, по шероховатости бумаги. Он научился видеть «наводчиков» – тех, кто приходит посмотреть расклад, чтобы потом вернуться с ребятами из бригады «за данью». Он научился договариваться. Слово «скидка» он произносил так, что покупатель чувствовал себя не просителем, а партнером, с которым делятся секретом.

– Тётя Зина, вы же свой человек, – говорил он, чуть наклонив голову, серьезно, по-взрослому. – Для вас цена другая. Но вы никому. Это наше с вами.

Тётя Зина таяла. Она покупала две куртки вместо одной, даже если нужна была одна. У неё дома потом лежали эти куртки, новые, с бирками, но в шкафу, на всякий случай. А Андрей клал выручку в карман, и там, под подкладкой, было тайное отделение, пришитое материнскими руками. Там лежали деньги, которые нельзя было отдавать никому. Ни рэкетирам, ни пьяному отцу, который иногда приходил на рынок и смотрел на прилавок масляными глазами.

Отец к тому времени уже не жил с ними. Спился окончательно. Мать выгнала его после того, как он проиграл в карты её золотые серьги – единственное наследство от ее матери. Теперь отец обретался где-то в районе Первой Речки, но иногда появлялся. Как тень. Он не бил, не требовал денег

напрямую. Он просто стоял в отдалении и смотрел. Смотрел, как его десятилетний сын торгует тряпьем, как ловко орудует руками, как улыбается взрослым дяденькам в кожаных куртках, которые приходят «поговорить».

Однажды такой дяденька пришел. Андрей его запомнил сразу – от него пахло дорогим табаком, не «Прямой», и одет он был чисто, но неброско. Черная куртка, джинсы «Levi's», которые тогда достать было почти невозможно, и на пальце – массивное золотое кольцо. С ним было двое парней, молодых, стриженых, с одинаковыми «спортивными» сумками через плечо.

– Мальчик, хозяйка где? – спросил один из парней, лениво, как будто выплевывая слова.

– Мама отошла, – спокойно ответил Андрей. Он не съежился, не отвел взгляд. Он смотрел прямо. Не нагло, не вызывающе, а так, как смотрят равные. – Что хотели посмотреть?

– Не посмотреть. Поговорить, – сказал главный. Он присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Андреем. Внимательно посмотрел в глаза. Андрей почувствовал, что его сканируют. Оценивают. Проверяют на вшивость.

– Как зовут?

– Андрей.

– Андрей. Скажи, Андрей, кто тебя научил так работать?

– Мама.

– Врешь, – усмехнулся главный. – Таких мам не бывает.

Это или тюрьма, или… – он сделал паузу, – или большая школа.

Андрей промолчал. Он чувствовал, что сейчас решается что-то важное. Не для него одного – для всей семьи. Если этот человек решит, что они – легкая добыча, завтра их прилавка не будет. Или будет, но работать они будут на него.

– Товар хороший? – спросил главный, кивнув на разложенные куртки.

– Хороший. Китай, но фабрика. Швы двойные, подклад сатиновый. Дорогой брали.

– Почем отдаешь?

– Семьдесят.

– Много.

– Можно шестьдесят пять, если сразу. Но это без торга.

Главный усмехнулся, на этот раз шире. Он повернулся к своим парням:

– Слышали? «Без торга». В десять лет – без торга. Я в его возрасте курей на мясокомбинате воровал.

Он снова посмотрел на Андрея. Взгляд его изменился. В нем появилось что-то, похожее на интерес. На профессиональный интерес.

– Слушай, пацан. Мы тут не просто так ходим. Мы смотрим, кто как работает. Мне нужны толковые люди. Не те, кто понты колотит, а кто дело знает. Ты маме передай: пусть не боится. От меня – защита. Спокойствие. Я – Виктор. Скажешь – от Виктора. А завтра подойду, поговорим по-взрос-

лому.

Он встал, поправил куртку. Перед тем как уйти, бросил на прилавок новенькую купюру в десять тысяч – «штуку», как тогда говорили.

– За разговор. Купи себе мороженого.

И ушли. Быстро, бесшумно, растворились в толпе. А Андрей остался стоять, сжимая в кулаке эту десятку. Он не купил мороженого. Он спрятал её в тайник, под подкладку, к другим деньгам. Это была первая плата не за товар. Это была плата за то, что он, Андрей, существует. За то, что он – «толковый».

Когда пришла мать, красная от быстрой ходьбы, с тяжелым пакетом новой партии, он рассказал ей всё. Каждое слово, каждую интонацию. Мать побледнела. Села на ящик, достала сигарету. Руки у неё дрожали.

– Виктор… – повторила она. – Это же «Виктор» с Второй Речки. Это же… это авторитет. – Она замолчала, потом спросила: – Что он сказал? «Защита»?

– Сказал, не бойся.

Мать посмотрела на него. В её взгляде была такая смесь ужаса и гордости, что Андрею стало не по себе. Она видела в нём не сына. Она видела мужчину. И это было страшнее, чем взгляд авторитета с золотым кольцом.

– Андрюша, – сказала она тихо, – ты будь с ним… осторожен. Он не добрый. Он просто… умный. Он увидел в тебе выгоду. А доброта тут ни при чем.

– Я понял, мам.

– Иди сюда.

Она обняла его, прижала к себе. От неё пахло потом, табаком и еще чем-то сладковатым – возможно, той самой дешевой тушенкой, которой они перекусывали на ходу. Андрей закрыл глаза. Впервые за долгое время он почувствовал себя маленьким. Защищенным. И это чувство продлилось недолго – ровно до того момента, как мать отстранилась, поправила ему волосы и сказала:

– Ладно. Давай, выкладывай товар. Вечером будем считать, сколько отдать Виктору.

Они раскладывали куртки молча. Море за домами шумело. Ветер гнал с залива тяжелые, свинцовые тучи. Город жил своей сложной, опасной, недетской жизнью. И Андрей был частью этой жизни. Не наблюдателем, не жертвой. Участником. Он это чувствовал каждой клеткой, каждым позвонком, который еще не окреп, но уже не гнулся.

Вечером, сидя на кухне, он открыл тетрадку. Не школьную, а свою, в клеточку, куда записывал цены, имена, «крышу», кому и сколько платить, кто кому должен. Он вел её аккуратно, с таблицами, как взрослый бухгалтер. В этот раз он написал новое имя: «Виктор. Вторая Речка. 10% от чистой прибыли. Платить лично, раз в две недели. Не опаздывать».

Он закрыл тетрадь и посмотрел на свои руки. Те же руки, что шесть лет назад держали пьяного отца. Теперь они держали тетрадь с именами тех, от кого зависела жизнь. Ру-

ки уже не были детскими. Они были цепкими, жилистыми, с мозолями на ладонях от тяжелых пакетов и ящиков.

Он вышел на балкон. Дом на Спортивной стоял на сопке, и отсюда был виден весь залив Золотой Рог. Внизу, в порту, горели огни. Корабли стояли на рейде, похожие на спящих гигантов. Ветер доносил запах соли и мазута.

«Я справлюсь, – подумал Андрей. – Я всё просчитаю. Я не буду делать глупостей. Я буду работать чисто. Я буду сильным, но не жестоким. Я буду умным, но не хитрым».

Он не знал, что эти слова, сказанные самому себе на балконе коммунальной квартиры, станут его кредо на долгие годы. Кредо, которое выведет его из грязи, поднимет наверх, а потом, когда придет время, обернется самым тяжелым грузом.

Он вернулся в комнату, лег на свой раскладной топчан, накрытый старым одеялом. За стеной кто-то храпел. Где-то далеко, за сопками, начиналась ночь. И новая жизнь, в которой десятилетний мальчик, торгующий китайскими куртками, уже не был просто мальчиком. Он был человеком, который взял на себя слишком много. Или ровно столько, сколько нужно, чтобы выжить.

Время покажет. Время всегда показывает.

Глава 3. Школа. 1997 год

Школа была для Андрея местом, где приходилось отбывать повинность. Он не ненавидел её, как некоторые его сверстники, для которых звонок на урок был сигналом к на-

чалу мучений. Он относился к ней с холодным прагматизмом: школа – это пропуск. Без него – никуда. Но пока, в седьмом классе, этот пропуск казался ему бумажкой, которую можно получить и так.

Он учился ровно. Тройки по русскому и литературе, потому что писать сочинения о «счастливом детстве» или «образе матери в русской поэзии» он мог, только сцепив зубы. Четверки по математике и физике – предметам, где всё подчинялось логике, где не нужно было врать. Пятерки по истории и географии – там он мог оперировать фактами, датами, причинно-следственными связями. Учителя считали его способным, но ленивым. «Способный, но ленивый» – это была поговорка, которая преследовала его с первого класса.

Никто не знал, что лень эта – ложная. Просто энергия, которую другие дети тратили на уроки, Андрей тратил на жизнь. После школы – рынок. После рынка – помочь матери донести товар, разобрать, пересчитать. После – уроки, если оставались силы. Часто сил не оставалось. Он ложился и смотрел в потолок, прокручивая в голове схемы: сколько взяли, сколько отдали, кому должны, кто должен им. Его мозг работал как счетная машина, не выключаясь ни на минуту.

В начале восьмого класса случилось событие, которое учителя назовут «чудом», а Андрей – «щелчком».

В октябре пришла новая учительница по алгебре – Татьяна Сергеевна. Молодая, лет двадцати пяти, только после ин-

ститута. Она не была похожа на других. Она не кричала, не ставила в угол, не жаловалась завучу. Она просто… объясняла. Спокойно, ясно, без раздражения. Она умела превращать сложные вещи в простые, и в её голосе не было той привычной учительской усталости, которая въелась в стены школы, как табачный дым.

В тот день она вызвала Андрея к доске. Задача была на движение. Два поезда, скорости, расстояние. Он подошел, взял мел и замер. В голове была пустота. Не потому, что он не понимал, а потому, что он не привык, чтобы его спрашивали. Его никогда не спрашивали. Он был незаметным, из тех, кого вызывают, когда перекличку делают, а больше – никогда.

– Ну, Андрей? – спросила Татьяна Сергеевна. – В чём сложность?

Он молчал.

– Ты не понял условие?

– Понял, – сказал он тихо.

– Тогда решай.

Он посмотрел на задачу. И вдруг, как будто кто-то включил свет, он увидел ее всю целиком. Не как набор цифр и букв, а как систему. Он понял, что искомое расстояние – это просто разница между тем, сколько прошел первый поезд, и тем, сколько прошел второй, умноженная на коэффициент, который выводится из отношения скоростей. Он понял это не строчкой, не формулой, а всем своим существом – так

охотник понимает, куда побежит зверь, даже не видя его.

Он начал писать. Мел летел по доске быстро, уверенно. Он не останавливался, не стирал. Цифры, буквы, скобки, дроби – всё встало на свои места, как детали хорошо смазанного механизма. Он закончил, повернулся к классу. В классе было тихо. Не потому, что он решил правильно, а потому, что никто не ожидал от него такого. Даже он сам.

Татьяна Сергеевна посмотрела на доску, потом на него. В её глазах было удивление, но не то, которое переходит в жалость («ах, какой способный, а учится плохо, наверное, трудная семья»). Другое удивление. Профессиональное.

– Это… интересный ход, – сказала она медленно. – Ты использовал не ту формулу, которую мы проходили. Ты вывел свою.

– Она короче, – ответил Андрей.

– Да, короче. Но она требует понимания системы, а не запоминания. Откуда ты это взял?

Он пожал плечами. Он не знал, откуда. Он просто увидел. Впервые за много лет он сделал что-то не руками, а головой – и это далось ему так же легко, как когда-то, в детстве, он научился считать деньги на рынке.

В тот вечер он сидел за кухонным столом и смотрел в учебник. Он открыл его на первой странице и начал читать. Не то задание, которое задали, а всё подряд. Он читал параграф за параграфом, и то, что раньше казалось скучной обязаловкой, теперь складывалось в картину. Математика была

честной. Она не врала. Если ты понимаешь правила, ты можешь предсказать результат. В жизни всё было сложнее, но в математике – нет.

Он просидел до двух часов ночи. Потом закрыл учебник и понял, что помнит всё. Каждую формулу, каждое доказательство, каждую задачу, которую он прочитал про себя, не записывая. Раньше он думал, что все люди так могут – запоминать. Но когда на следующем уроке он поднял руку и ответил на вопрос, который учительница задала для старшеклассников, она посмотрела на него с тем же выражением, что и Татьяна Сергеевна.

– Ты это… где выучил?

– В учебнике, – ответил он.

Это был щелчок. Переключатель, который повернулся внутри него раз и навсегда. Он понял, что школа – это не место, где нужно отбывать срок. Это инструмент. И он, Андрей, может использовать его так же ловко, как использовал рынок.

За оставшиеся два года он прошел программу десятого и одиннадцатого класса самостоятельно. Он приходил на уроки, слушал, задавал вопросы, которые ставили учителей в тупик, и уходил. Учителя шептались. «Феноменальная память», – говорила одна. «Аналитический склад ума», – поправляла другая. «Это просто дисциплина», – отрезал старый учитель физики, который не верил ни в какие феномены, кроме труда.

Андрей не спорил. Он знал, что это не труд. Труд был на рынке. А это – другое. Это было похоже на то, как если бы он всю жизнь ходил с завязанными глазами, а потом кто-то развязал их. Он увидел, что мир состоит не из людей, денег и вещей, а из связей. Всё связано. Математика, физика, история, даже литература – всё это описывало одно и то же: правила, по которым живут люди. Только разными словами.

В девятом классе он сдал экзамены экстерном. Учителя не верили, что он справится, но он пришел и написал каждый экзамен на высший балл. Не потому, что хотел похвастаться, а потому, что это был единственный способ вырваться. Он уже знал, что пойдет в институт. Не в тот, что рядом, а в лучший, который только можно было достать. Он не знал зачем. Просто чувствовал, что рынок – это потолок. А ему нужно было небо.

В день, когда он получил аттестат с тремя четверками и остальными пятерками, мать заплакала. Впервые не от усталости и не от отчаяния, а от гордости. Она стояла на кухне, держала в руках эту синюю корочку и плакала.

– Сынок, – сказала она, вытирая слезы дрожащими руками. – Ты… ты у меня… Я же ничего не понимала. Я думала, ты пропадешь, как…

Она не договорила. Не сказала «как отец». Но Андрей понял.

– Не пропаду, мам, – ответил он. – Я договорился. На экономический. Вступительные – через месяц.

Она кивнула. Она уже привыкла не спрашивать, как он «договаривается». Она только спросила:

– Деньги есть?

– Будут.

Он не врал. Деньги были. Спрятаны в тайнике, под подкладкой старой куртки. Не те, копеечные, что с рынка, а другие, которые он начал откладывать два года назад, когда стал работать не только на мать, но и на себя. Он уже тогда знал, что институт – это не цель. Это пропуск. А пропуска надо покупать заранее.

Глава 4. Университет. 2000 год

Экономический факультет Дальневосточного государственного университета помещался в старом здании на Пушкинской, с высокими потолками, скрипучим паркетом и запахом вековой пыли. Андрей попал сюда по блату – слово, которое он ненавидел, но использовал, когда другого выхода не было. Знакомый знакомого, который знал нужного человека в приемной комиссии. Сумма была названа, деньги переданы, и Андрей стал студентом.

Он не чувствовал себя самозванцем. Он знал, что по знаниям он не хуже, а лучше многих, кто поступил «по-честному». Просто он не мог себе позволить рисковать. Если бы он провалился на экзаменах, второго шанса не было бы. Мать не потянула бы платное отделение, а возвращаться на рынок с аттестатом в кармане означало проиграть. А проигрывать он не умел.

Университетская жизнь удивила его. Не лекциями и не семинарами – к ним он отнесся как к работе, которую нужно выполнить быстро и качественно. Его удивили люди. Они были другими, не такими, как на рынке, не такими, как в школе. Они говорили о свободе, о будущем, о реформах, о том, как они будут строить новую Россию. Они читали умные книги, спорили до хрипоты о путях развития экономики, пили дешевый портвейн в общаге и считали себя избранными.

Андрей смотрел на них и видел детей. Умных, образованных, но детей. Они не знали, как пахнет вытрезвитель. Они не знали, как торговаться с человеком, который только что достал из-за пазухи нож. Они не знали, что такое «крыша» и почему её нельзя потерять. Они жили в мире идей, а он – в мире фактов.

Но он не осуждал их. Он учился у них. Учился говорить красиво, учился цитировать классиков, учился надевать маску «своего парня» – парня, который пришел из народа, но быстро впитывает культуру. Эта маска давалась ему легко. Он был харизматичен, хотя сам этого не осознавал. В нем была та особая притягательность человека, который многое видел и многое умел, но никогда не хвастался этим.

На втором курсе он познакомился с Олегом. Олег был из Владивостока, из семьи военного, высокий, светловолосый, с открытым лицом и громким смехом. Он был душой компании, заводилой, человеком, который мог организовать что

угодно – от футбольного матча до поездки на остров с палатками. Олег первым подошел к Андрею, когда тот сидел в коридоре с книгой, и сказал:

– Ты новенький? А почему один?

– Привык, – ответил Андрей.

– Привычка – дело наживное. Пойдем, познакомлю с ребятами.

С того дня они стали неразлучны. Олег был тем, кого называют «душа нараспашку». Он не умел хранить секреты, не умел хитрить, не умел просчитывать последствия. Он жил эмоциями, порывами, сегодняшним днем. Андрей видел в нём то, чего у него самого не было – способность радоваться просто так, без причины. Эта способность завораживала его, как завораживает огонь человека, который всю жизнь провел в холоде.

Олег же видел в Андрее то, чего не хватало ему: спокойствие, надежность, умение решать проблемы. Когда у кого-то из их компании случались неприятности – с родителями, с деньгами, с полицией, – все бежали к Андрею. Он выслушивал, думал несколько минут и говорил, что делать. Его советы всегда работали. Он не давал их часто, но когда давал – они были точными, как хирургический разрез.

Именно Олег привел его в компанию, которую в городе называли «бригадой». Формально это были просто ребята, которые занимались «обеспечением безопасности». На деле – одна из многих группировок, контролировавших рынки,

магазины и точки во Владивостоке. Возглавлял её человек по кличке Длинный, которого Андрей помнил еще с рынка на Спортивной. Тот самый, с золотым кольцом.

– Длинный ищет толковых, – сказал Олег однажды вечером, когда они сидели на набережной, пили пиво и смотрели на залив. – Денег платит хорошо. А мы, студенты, сами знаешь… Стипендия – смех.

– Чем заниматься? – спросил Андрей, не глядя на друга. Он смотрел на море. На воде играли огни порта, и казалось, что корабли движутся по жидкому золоту.

– Да разным. В основном – смотреть за точками, чтобы никто чужой не лез. Собирать дань. Но Длинный – правильный. Он не любит беспредела. У него всё по понятиям, посерьезному.

– «По понятиям» – это значит по его понятиям, – усмехнулся Андрей.

– Может быть. Но деньги платит. И учиться не мешает. Сказал, что ему нужны образованные. Чтобы могли с документами работать, с расчетами, чтобы в случае чего – легально оформить. Он говорит: время меняется, теперь нужны не быки, а мозги.

Андрей повернулся к Олегу. Посмотрел на него внимательно. Олег был искренен. Он действительно верил, что Длинный – «правильный». Или, по крайней мере, хотел верить. Андрей знал, что правильных в этом мире нет. Есть умные и глупые. Длинный был умным. Это и делало его опас-

ным.

– Я подумаю, – сказал Андрей.

Он думал три дня. Взвешивал. С одной стороны – деньги. Много денег. Столько, что можно будет не только платить за учебу, помогать матери, но и начать копить на что-то большее. С другой стороны – риск. Влезть в эту систему легко, вылезти – почти невозможно. Он знал это по рынку, по тем, кто пытался уйти от «крыши», и что с ними случалось.

На четвертый день он согласился. Но поставил условие.

– Я буду работать только на легальных точках, – сказал он Длинному при личной встрече. Встреча происходила в бане на Второй Речке, в отдельной комнате. Длинный сидел в халате, пил чай из стакана с подстаканником, выглядел по-домашнему, но Андрей чувствовал, что в комнате есть еще люди за дверью. Всегда есть люди за дверью.

– Легальных? – Длинный усмехнулся. – А нелегальных у нас нет. Всё легально. Мы бизнесом занимаемся.

– Я серьезно, Виктор. Я не буду заниматься мокрыми делами. Не буду наезжать на тех, кто платит. Я могу вести бухгалтерию, считать схемы, договориться с проверяющими. Это я умею. Остальное – не ко мне.

Длинный поставил стакан, посмотрел на Андрея долгим, тяжелым взглядом. Взрослый мужик, которому за сорок, смотрит на двадцатилетнего парня, и в его взгляде нет пренебрежения. Есть оценка.

– А если я скажу, что надо?

– Скажете – я уйду. Тихо. Без обид.

– Уйти от меня нельзя, – Длинный сказал это спокойно, как констатировал факт.

– Можно, – так же спокойно ответил Андрей. – Если не брал в долг, не подвел и не предал. Я не брал, не подводил и не предавал. Я просто не тот человек для грязной работы. Вам нужны мозги – вы их получите. Но чистые.

Повисла тишина. Андрей чувствовал, как за дверью замерли люди. Он знал, что сейчас решается не просто его судьба, а что-то большее. Он играл ва-банк, но он знал, что у него хорошие карты. Длинному действительно нужны были такие, как он. Время менялось. Девяностые с их беспределом уходили, наступали нулевые с их видимостью порядка. И тот, кто умел работать в этом новом мире, был дороже золота.

– Иди работай, – сказал наконец Длинный. – Бухгалтерией займешься. Покажи, на что способен.

Он показал. За полгода он навел порядок в учете, который до него вели на салфетках и в записных книжках. Он создал систему, где каждая точка, каждый платеж, каждый «выход» были зафиксированы и разложены по полочкам. Он научил своих – и Олега в том числе – составлять договоры, оформлять ИП, открывать счета. Он объяснил, почему нельзя брать деньги наличными, если можно провести через кассу, и почему лучше заплатить штраф, чем договариваться с проверяющим «по-понятиям».

– Ты что, в ФСБ хочешь работать? – смеялся Олег. – Так всё вылизываешь.

– Я хочу, чтобы нас не взяли, – отвечал Андрей. – Беспредел кончился. Сейчас кто умнее, тот и живет дольше.

Он не ошибся. Некоторые из других бригад, которые продолжали работать по старинке – с разборками, стрельбой, трупами, – к середине двухтысячных или сели, или легли в землю. Длинный же вывел свои дела в легальное русло, обзавелся сетью магазинов, автопарком, связями в городской администрации. И во многом это была заслуга Андрея.

Но сам Андрей не чувствовал удовлетворения. Он делал свою работу хорошо, спокойно, без страсти. Для него это был такой же рынок, только масштабом побольше. Он видел, как работают механизмы: деньги, власть, страх, жадность. Он видел, что в основе всего лежит одно и то же – желание одних управлять другими. И он, Андрей, был одним из тех, кто помогал этим желаниям осуществляться.

По ночам, возвращаясь в свою съемную комнату на Первой Речке, он садился за стол и открывал тетрадь. Ту самую, в клеточку, которую завел еще на рынке. Теперь она была толстой, исписанной мелким, аккуратным почерком. Но это были уже не цены на куртки и имена «крыш». Это были наблюдения. Он записывал их, как ученый записывает опыты, сухо, без эмоций.

«Человек, который контролирует деньги, контролирует всё. Но тот, кто контролирует страх, контролирует того,

кто контролирует деньги. Страх – это валюта, которую не напечатаешь в Гознаке. Её печатают в головах» .

Он закрывал тетрадь, ложился и смотрел в потолок. Над головой, в соседней комнате, кто-то ходил, гремел посудой, ругался. С улицы доносился шум города, который никогда не спал. И море. Море шумело всегда. Оно было единственным, что не менялось.

Он засыпал с мыслью, что всё идет по плану. Учеба, работа, деньги. Скоро он купит матери квартиру, вытащит её из коммуналки. Потом – откроет свое дело. Чистое, легальное. Он выйдет из этой системы, в которую вошел по необходимости, и станет свободным.

Он не знал, что система не отпускает. Она просто меняет форму. А свобода – это самая дорогая иллюзия, которую можно купить, только заплатив за нее всем, что у тебя есть.

Глава 5. Контракт. 2002 год

Университет он закончил с красным дипломом. На вручении, когда ректор пожимал ему руку и говорил что-то про «будущее российской экономики», Андрей смотрел поверх голов в окно. Там, за старыми липами Пушкинской, виднелся клочок залива – серый, спокойный, равнодушный. Он думал не о будущем экономики. Он думал о том, как сказать Длинному, что уходит.

За три года работы на бригаду Андрей стал для Виктора незаменимым. Не просто счетоводом, а серым кардиналом. Он придумывал схемы, которые позволяли легализовы-

вать деньги так, что налоговая только разводила руками. Он договаривался с чиновниками на их языке – языке цифр и взаимной выгоды, без угроз и наездов. Он знал, у кого какая слабость, кто берет деньгами, кто – вниманием, кто – просто спокойствием. Длинный платил ему хорошо – пятнадцать процентов от чистой прибыли с каждой точки, которую Андрей вел. На счетах лежали суммы, о которых он в детстве не мог и мечтать.

Но вместе с деньгами приходило и то, от чего Андрей хотел уйти. Он стал своим в этом мире. Его знали в лицо, его имя произносили с уважением, но и с опаской. «Андрей с Экономки» – так его называли на сходках. Он приходил туда редко, только когда Длинный настаивал, но каждый его приход означал, что будет принято решение, которое повлияет на жизнь многих людей. Он чувствовал на себе взгляды – цепкие, оценивающие, иногда завистливые. Ему было не по себе. Не от страха – он давно не боялся ни угроз, ни взглядов. Ему было душно.

Однажды, после очередной сходки в бане на Второй Речке, он вышел на улицу. Ночь стояла холодная, ветреная. Луна висела над сопками, желтая, больная. Он закурил – привычка, которую он подхватил в университете и никак не мог бросить, хотя обещал себе. Длинный вышел следом, встал рядом, молча. Потом сказал:

– Ты чего загрустил, Андрей? Деньги есть, уважение есть. Мать вон из коммуналки вытянул, квартиру купил. Чего тебе

еще?

– Спокойствия, Виктор.

Длинный усмехнулся, достал свою сигару, раскурил.

– Спокойствие – это для покойников. Живой человек всегда в движении. А ты, я смотрю, тормозить начал. Думаешь, я не вижу? Ты уже полгода как на сходках не выступаешь, сидишь молча. Олег за тебя отдувается.

– Олег справится. Он башковитый.

– Он башковитый, но горячий. А ты холодный. Мне холодные нужны. Они не ошибаются.

Андрей повернулся к Длинному. Впервые за три года он сказал то, что думал, без расчетов, без дипломатии:

– Виктор, я ухожу.

Длинный не вздрогнул, не изменил лица. Только выпустил дым медленно, очень медленно, и спросил:

– Куда?

– Не знаю. Надо подумать.

– Ты же говорил, что от меня нельзя уйти.

– Я говорил, что можно, если не брал, не подводил и не предавал.

Длинный посмотрел на него долго. Андрей выдержал взгляд. Он знал, что сейчас проверяется всё – не только его слова, но и то, как он стоит, как дышит, куда смотрит. Он стоял прямо, смотрел в глаза, дышал ровно.

– Дурак, – сказал Длинный неожиданно спокойно. – Ты самый ценный кадр, который у меня был. И ты уходишь. Не

потому, что я тебя обидел. Не потому, что тебе мало плачу. А потому что… у тебя внутри что-то сломалось. Я прав?

– Не сломалось. Просто… достроилось.

– Достроилось? – Длинный усмехнулся, но усмешка вышла кривая. – Смотри, Андрей. Дверь я тебе не закрою. Но и обратно не позову. Ты или с нами, или ни с кем. Посередине не бывает.

– Я знаю.

Он развернулся и пошел. Не оглядываясь. За спиной слышалось тяжелое дыхание охранников, которые стояли у входа и всё слышали. Но они не тронули его. Длинный дал слово.

Через месяц Андрей купил матери однокомнатную квартиру в новостройке на Баляева. Деньги отдал наличными, в конверте, хозяину – бывшему моряку, который уезжал к детям в Москву. Когда они с матерью переступили порог, она заплакала. Не так, как когда получила его аттестат – тогда это были слезы гордости. Теперь – слезы облегчения. Тридцать лет в коммуналке, тридцать лет запахов чужой еды, чужих ссор, чужих жизней за тонкой стеной. И вот – своя кухня, своя комната, свой унитаз, который не надо мыть за соседом.

– Сынок, – сказала она, вытирая глаза краем фартука. – Как же ты…

– Не важно, мам. Важно, что теперь ты здесь.

Она не стала спрашивать, откуда деньги. Она знала, что он работает «в бизнесе». Она догадывалась, в каком имен-

но, но предпочитала не думать. Теперь, когда квартира была куплена, она могла позволить себе это незнание.

Андрей прожил с ней неделю. Помог перевезти вещи – их было немного: старый шкаф, диван, мамина швейная машинка «Зингер», иконы в углу, которые она выменяла на рынке у старухи из Киева. Он повесил полки, вкрутил лампочки, проверил проводку. Вечерами сидел на кухне, пил чай с вареньем из жимолости, которое мать варила сама, и слушал, как она говорит о том, что Димка – младший брат – закончил девятый класс и не знает, куда пойти. «В армию, что ли?» – спрашивала она с тоской.

– Не надо в армию, – ответил Андрей. – Пусть в ПТУ идет, на сварщика. Будет при деле.

– А ты сам? Ты в институт вон выучился. А теперь что?

– А теперь я, мам, тоже, наверное, в армию пойду.

Она поперхнулась чаем. Посмотрела на него так, как смотрела тогда, на рынке, когда он сказал, что приходил Виктор.

– Ты с ума сошел? Тебе двадцать лет! Ты диплом получил! Ты…

– Я по контракту, мам. Несрочную. Деньги будут платить. И служба спокойная – я договорился.

Он не договорил. Он сам еще не знал, на что подписывается. Но знал, что ему нужно уехать. Уехать из Владивостока, из этой системы, где каждая улица, каждый рынок, каждый знакомый напоминал о том, кем он стал. Нужно было

время, чтобы всё обдумать. Армия давала это время. И давала чистый лист.

Он выбрал спецназ. Не потому, что хотел геройствовать. Просто там платили больше, и туда меньше всего совались «нужные люди» из его прошлого. Часть дислоцировалась под Уссурийском, в тайге. Места глухие, до Владивостока – сто километров, но морально – целая жизнь.

Перед отъездом он зашел к Олегу. Тот снимал квартиру в центре, жил на широкую ногу – кожаная мебель, огромный телевизор, холодильник, забитый импортным пивом. Встретил его радостно, хлопнул по плечу, полез обниматься.

– Андрюха! А я думал, ты уже в Москву подался! А ты…

– В армию иду, Олег.

Олег замер. Посмотрел на него непонимающе. Потом рассмеялся – громко, неестественно.

– Шутишь? Ты? В армию? С твоим-то умом? Да Длинный тебе любую должность предложит, любой кабинет в мэрии организует! Ты чего?

– Мне нужно, Олег. Просто нужно.

Олег перестал смеяться. Подошел к окну, закурил. С улицы доносился шум – город жил своей ночной жизнью, музыка из ресторана, сигналы машин, чей-то пьяный смех.

– Ты, наверное, самый странный человек, которого я встречал, – сказал он тихо. – У тебя всё есть. А ты уходишь. И не в бизнес, не в политику, а в… в казарму. Зачем?

– Чтобы понять, зачем.

Олег повернулся. В его глазах Андрей увидел то, что видел уже много раз – непонимание. Люди не понимали, когда он говорил о том, что ему нужно «понять». Для них жизнь была простой: есть цель – добивайся, есть деньги – трать, есть власть – наслаждайся. Для Андрея всё было сложнее. Или проще. Он еще не решил.

– Ладно, – сказал Олег, гася сигарету. – Ты всегда знал, что делаешь. Но если что – возвращайся. Длинный, может, и не простил, но я… я всегда рад.

Они обнялись. По-настоящему, по-мужски, с хлопком по спине. Андрей вышел на улицу, сел в свой старенький «Москвич», который купил по случаю, и поехал через ночной город. Он ехал по Светланской, мимо гостиницы «Владивосток», мимо Дома офицеров, мимо того самого перехода, где когда-то нашел отца. Город спал тяжелым, беспокойным сном. Над заливом стоял туман, и огни кораблей казались расплывчатыми, призрачными.

Он знал, что это не побег. От себя не убежишь. Но иногда нужно сменить воздух, чтобы понять, чем ты дышишь на самом деле.

Глава 6. Точка сборки. 2003–2004 годы

Часть встретила его запахами – машинного масла, хвои и хлорки из казарменных туалетов. Он приехал в конце осени, когда приморская тайга уже стояла серая, промозглая, а ветер с сопок выл так, что казалось, кто-то огромный и злой сидит на вершине и никак не успокоится.

Командир разведывательно-десантной роты, капитан Степанов, долго вертел его личное дело в руках. Красный диплом экономического, хорошие характеристики, отсутствие судимостей – и вдруг контракт на должность рядового. Обычно с таким образованием шли в штаб, на тыловые должности. А этот просится в разведку.

– Ты, Андрей Викторович, понимаешь, куда пришел? – спросил капитан, глядя поверх очков. – Здесь не дипломы фантиками складывать. Здесь физо, стрельбы, марш-броски. Грязь, кровь, сопли.

– Понимаю, товарищ капитан, – ответил Андрей. – Я к этому готов.

– Чем докажешь?

– Делом.

Степанов усмехнулся. Таких, с дипломами, он видел много. Приходят, думают, что армия – это как в кино: красиво, пафосно, с музыкой. Через месяц бегут писать рапорты. Но этот… этот смотрел спокойно. Не как на собеседовании, а как на сделке. Капитан решил дать шанс.

Первые месяцы были адом. Не тем адом, о котором пишут в книгах про дедовщину – здесь с этим было строго. Ад был физический. Двадцать километров с полной выкладкой по пересеченной местности. Спать по три часа в сутки. Стрельбы в любую погоду. Рукопашный бой до изнеможения. Андрей был крепок от природы – рынок, грузчики, единоборства сделали свое. Но здесь требовалось не просто

быть крепким. Здесь требовалось быть железным.

Он стал железным. Не за один день, не за месяц. Постепенно, день за днем. Он научился не обращать внимания на боль, на холод, на усталость. Он научился засыпать в любой позе, в любом месте, просыпаться от любого шороха. Он научился читать следы, определять расстояние на глаз, стрелять так, что инструкторы качали головами.

Но главное – его мозг работал. В разведке ценились не только мышцы, но и голова. На тактических занятиях Андрей быстро стал тем, кого называли «мозгом группы». Он видел схему боя так же ясно, как когда-то видел алгебраическую задачу. Он просчитывал действия противника на три-четыре хода вперед, предлагал маршруты, которые казались безумными, но оказывались единственно верными.

Командир группы, старший прапорщик Ковальчук, человек с нашивкой за две чеченские кампании, сначала относился к нему с недоверием. «Эконом» – так он называл Андрея за глаза. «Эконом, блин, в разведке. Диссертацию будет писать, как из засады выходить». Но после того, как Андрей в ходе учений вывел группу из «окружения» по болоту, которое на карте было обозначено как непроходимое, Ковальчук подошел к нему, молча протянул руку и сказал:

– Считай, приняли.

В 2004 году их роту отправили в командировку. Не в Чечню – там уже было относительно спокойно, а в Дагестан, на границу с Азербайджаном. Шла вялая, но грязная война с

бандами, которые пытались прорваться через границу. Работа была настоящая – засады, выходы, ночные перехваты. Без пафоса, без камер, без орденов. Просто работа.

Первая засада, в которой Андрей участвовал как полноценный боец, запомнилась ему не стрельбой и не кровью. Запомнилась тишиной. Они лежали в кустах на склоне, ждали караван. Шесть часов. Семеро человек, замерших в темноте, превратившихся в камни. Андрей смотрел в ночник прицела и вдруг понял, что не чувствует страха. Не потому, что он храбрый. Потому что всё, что было до этого – рынок, бригада, схемы, деньги, – было такой же засадой. Только там жертвы были другими, и выигрыш – другим. Здесь всё было честнее. Или он так хотел верить.

Караван пришел под утро. Четверо людей, навьюченные лошади. Шли осторожно, но недостаточно осторожно. Ковальчук дал сигнал. Работа заняла минуту. Может, две. Андрей выстрелил дважды. Два человека упали. Третий попытался бежать, его накрыли очередью из пулемета. Четвертый сдался. Лошади с грузом – оружие, наркотики – остались стоять, всхлипывая.

Потом была работа с пленным, эвакуация, доклады. Андрей сидел на броне БТР, смотрел на предрассветные горы и чувствовал пустоту. Не ту, которая бывает после боя – опустошение, когда адреналин схлынул. Другую. Он сделал то, что должен был. Он был хорошим солдатом. Но внутри него что-то щелкнуло. Не так, как в школе, когда открылась спо-

собность к учебе. Теперь щелкнуло по-другому. Он понял, что война – это тот же бизнес. Те же схемы. Тот же страх. Только вместо денег – жизни.

Вернувшись в часть, он написал рапорт о продлении контракта. Еще на год. Степанов удивился, но подписал. Ковальчук хлопнул по плечу: «Молодец, Эконом. Настоящим мужиком стал». Андрей улыбнулся. Он не чувствовал себя настоящим мужиком. Он чувствовал себя человеком, который убежал от одной клетки, чтобы попасть в другую. Но здесь, по крайней мере, он знал правила. И они были проще.

По ночам, когда часть затихала, он сидел в кубрике, при свете настольной лампы, и писал в тетради. Не наблюдения – теперь он вел дневник. Впервые в жизни.

«6 октября. Выход на границу. Зачистка. Результат: двое уничтоженных, трое задержанных. Потерь нет. После операции сидел и смотрел на горы. Думал о том, что если бы не ушел из бригады, сейчас, может быть, сидел бы в кабинете, пересчитывал бы чужие деньги и думал, что я умный, что я всё просчитал. А здесь я просто солдат. Исполнитель. И это легче. Исполнителю не надо думать, зачем. Надо делать. Но почему-то легче не становится».

Он закрывал тетрадь, гасил свет и лежал, слушая, как за окном шумит ветер в кронах кедров. Он вспоминал мать, её руки, шрамы от стружки. Вспоминал Димку, которого не видел уже год – младший брат вырос, устроился на завод, женился, жил своей жизнью. Вспоминал Олега, его громкий

смех, его веру в то, что они всё делают правильно. Вспоминал Длинного, его тяжелый взгляд, его слова: «Ты самый ценный кадр».

Он не жалел ни о чем. Жалость была роскошью, которую он не мог себе позволить. Он просто ждал. Чего? Он не знал. Возможно, того момента, когда ему станет ясно, куда идти дальше. Армия дала ему передышку, научила дисциплине, дала братство, которое не купишь за деньги. Но она не дала ответа на главный вопрос.

В начале 2005 года его контракт подходил к концу. Степанов предложил остаться, поступить в училище, стать офицером. «Толк из тебя выйдет, – сказал капитан. – Командирский склад ума. И люди за тобой пойдут».

Андрей поблагодарил, но отказался. Он чувствовал, что если останется – останется навсегда. А ему нужно было вернуться. Не во Владивосток, нет. Туда, где он сможет применить всё, что узнал. Не в банду, не в армию. В жизнь. Обычную жизнь, о которой он мечтал, когда лежал на раскладном топчане в коммуналке.

Перед увольнением он пошел в лес. Часть стояла у подножия сопки, и оттуда, если подняться выше, открывался вид на долину, на реку, на синюю ленту дороги, уходящую к городу. Он стоял на вершине, дышал морозным воздухом, смотрел, как солнце пробивается сквозь тучи.

– Ну что, – сказал он вслух самому себе. – Начинаем новую жизнь.

Он знал, что это неправда. Новой жизни не бывает. Бывает та же самая, только с другим названием. Но он решил, что хотя бы попробует прожить её правильно. По-честному. Без обмана, без «крыш», без прицела ночного прибора.

Он не знал тогда, что правильная жизнь – это самая сложная из всех игр. И что он проиграет её с таким же счетом, с каким выигрывал все остальные. Просто поймет это позже.

Тихий пепел

Человек, который знает, как устроен мир, обречён на одиночество. Потому что смотреть на танец марионеток можно либо со сцены, либо из зрительного зала. А он зачем-то полез за кулисы.

Глава 7. Возвращение. 2005 год

Он вернулся во Владивосток в мае. Город встречал его цветущей сиренью, запахом свежей зелени и тем особенным светом, который бывает только здесь, на краю земли, когда весна наконец побеждает затяжную зиму. Сопки стояли ярко-зеленые, залив блестел на солнце так, что глазам было больно.

Андрей вышел из поезда, держа в руке старый армейский вещмешок. Никто его не встречал. Мать он предупредил, что приедет, но попросил не хлопотать. Димка работал вахтовым методом на Сахалине, Олег… с Олегом они не виделись два года, перезванивались редко, и в последний разговор Олег был какой-то сдержанный, словно что-то не договаривал.

Город изменился. Неуловимо, но изменился. Стало боль-

ше машин, больше вывесок на английском, больше людей с мобильными телефонами, которые говорили громко и уверенно. Рынок на Спортивной всё ещё шумел, но теперь там стояли аккуратные металлические контейнеры, а торговки носили форму – синие фартуки с логотипом. Порядок. Видимость порядка. Андрей усмехнулся про себя: Длинный, наверное, неплохо пристроился.

Первые дни он просто ходил по городу. Без цели, без спешки. Поднимался на Корабельную набережную, смотрел на фрегат «Паллада», который стоял у причала, белый, нарядный, как игрушка. Спускался к морскому вокзалу, сидел на скамейке, смотрел, как отчаливают катера на остров Русский. Пил кофе в маленькой кофейне на Светланской, которую открыли корейцы, и думал о том, что ему делать дальше.

Диплом экономиста, опыт работы – но опыт, который не впишешь в резюме. Деньги, отложенные на счету, – хватит на полгода спокойной жизни, не больше. Армия дала ему чистую биографию, но не дала профессии, которая кормит в мирное время. Он мог бы пойти в охрану, в ЧОП – там платили неплохо, и его навыки пригодились бы. Но он устал от оружия. Он устал от готовности к бою, от того, что любая тень может оказаться угрозой.

Он решил пойти по-честному. Разослал резюме в несколько компаний, которые занимались логистикой и внешнеэкономической деятельностью. Владивосток жил портом, контейнерными перевозками, таможней. Он знал эту сферу –

ещё со времен работы на Длинного. Знал, как идут грузы, как оформляются документы, где узкие места. Но в резюме он написал только о дипломе и о службе в армии. Характеристику подписал сам Степанов – «дисциплинирован, инициативен, способен к аналитической работе». Этого хватило.

Его взяли в небольшую фирму «Дальинвест Транс», которая занималась перевалкой контейнеров с рыбой и морепродуктами. Должность – менеджер по работе с клиентами. Зарплата – небольшая, но стабильная. Кабинет на первом этаже старого здания в районе Золотого Рога, откуда было видно, как ползут по рейду буксиры, как грузят крабы в рефрижераторы.

Начальник, Михаил Борисович, был из старых хозяйственников, советской закалки. Он носил очки в толстой оправе, говорил басом, курил «Беломор» и не доверял молодым. Андрея он взял по двум причинам: диплом ДВГУ и армия. «Значит, голова есть и дисциплина есть, – сказал он на собеседовании. – Остальному научим».

Учиться Андрею было нечему. Он знал эту кухню лучше самого Михаила Борисовича. Но он молчал, слушал, кивал, делал вид, что вникает. Он умел быть незаметным, когда нужно. Первые три месяца он работал как часы: приходил к восьми, уходил в семь, разбирал документы, ездил на склад, договариваться с таможенными брокерами. Коллеги его не замечали, начальник был доволен.

Но по вечерам, возвращаясь в съёмную комнату на Луго-

вой, он чувствовал, что задыхается. Не от нехватки воздуха – от нехватки смысла. Раньше, на рынке, в бригаде, в армии, всё было остро, всё имело вес. Здесь – бумажки, накладные, подписи, печати. Бесконечный, однообразный поток, который тек из ничего в никуда. Люди вокруг говорили о кредитах, о новых машинах, о том, кто кого переспит в отделе. Их мир был маленьким, но они считали его большим. Андрей смотрел на них и чувствовал себя геологом, который попал в детский сад и пытается объяснить малышам, как устроены горные породы. Бесполезно.

Он стал задерживаться на работе допоздна – не потому, что было много дел, а потому, что не хотел возвращаться в пустую комнату. Он сидел в кабинете, смотрел в окно на огни порта и писал в тетради. Ту самую, которую вел еще в армии. Теперь она была почти исписана.

«17 июня. Месяц на новом месте. Всё правильно. Всё честно. Зарплата, налоги, трудовой договор. Я делаю то, что должен. Почему же мне кажется, что я опять надел маску? На рынке я был продавцом. У Длинного – счетоводом. В армии – солдатом. Теперь я – менеджер. Но внутри – пустота. Я не чувствую себя этими людьми. Я смотрю на них и вижу шестеренки. Они не знают, что они шестеренки. Они думают, что они – творцы своей судьбы. А я знаю. И это знание – как камень на груди».

В августе судьба подкинула ему встречу. Он пришел в кофейню на Светланской – ту самую, корейскую, где любил

пить американо по утрам. День был солнечный, и он сел за столик на улице, развернул газету. Не читал – просто смотрел на заголовки, чтобы занять руки.

– Извините, здесь свободно?

Он поднял глаза. Перед ним стояла девушка. Невысокая, с темными волосами, собранными в небрежный пучок, в простом льняном платье и сандалиях. В руках – такая же чашка кофе и толстая книга в мягкой обложке. Лицо у неё было обычное – не красавица, но что-то было в нём такое, от чего Андрей не смог сразу опустить взгляд. Спокойствие. В её глазах было спокойствие, которого он не видел ни у кого в этом городе. Спокойствие не от глупости, а от какой-то внутренней устроенности.

– Свободно, – ответил он.

Она села напротив, раскрыла книгу, погрузилась в чтение. Андрей попытался вернуться к газете, но не мог сосредоточиться. Он украдкой смотрел на неё. Руки – ухоженные, но не кукольные, пальцы длинные, сжимают книгу крепко, как будто боятся упустить. Книга – сборник стихов Арсения Тарковского, издание восьмидесятых, с пожелтевшими страницами. Стихи в кофейне, среди деловых людей с мобильниками, среди суеты и шума – это было странно. Или, наоборот, естественно.

– Хорошие стихи, – сказал он. Сказал и сам удивился. Он никогда не заговаривал первым с незнакомыми людьми. Это было правилом, выученным на рынке: первый заговорил –

значит, показал слабость.

Она подняла глаза. Посмотрела на него внимательно, без кокетства, без испуга. Просто посмотрела, как смотрят на человека, который нарушил тишину, и решают, стоит ли отвечать.

– Да, – сказала она. – Особенно «Я к вам пишу…» там не про любовь, хотя все думают, что про любовь.

– А про что?

– Про невозможность молчать. Когда внутри столько всего, что если не выскажешь – лопнешь.

Она сказала это спокойно, будто обсуждала погоду. Но Андрей почувствовал, как что-то кольнуло под ребрами. Невозможность молчать. Он молчал всю жизнь. Молчал, когда отец пил, когда мать плакала, когда Длинный смотрел на него оценивающе, когда в прицеле ночника видел чужую смерть. Молчал, потому что некому было сказать. И вдруг напротив него сидит девушка, которая говорит о невозможности молчать как о чем-то само собой разумеющемся.

– Меня Андрей, – сказал он, протягивая руку.

– Настя, – она вложила ладонь, сухую, теплую.

Они проговорили три часа. О стихах, о городе, о том, как пахнет море утром и вечером – по-разному. Она рассказала, что преподает русскую литературу в университете, что приехала из Хабаровска три года назад, что здесь, во Владивостоке, ей нравится воздух – «он какой-то честный, без московской лжи». Он слушал и удивлялся тому, как легко она

говорит. Не тараторит, не старается понравиться, не играет. Просто говорит то, что думает. Он почти забыл, что такие люди существуют.

Когда она ушла – у неё была пара через час, – Андрей остался сидеть за столиком. Кофе остыл, газета улетела на пол. Он сидел и смотрел на пустой стул напротив. Впервые за долгое время внутри него не было пустоты. Было тепло. Не то обжигающее тепло молодости, когда всё кипит и бурлит. Другое. Тихое. Как печка в доме, в который давно не заходил хозяин, а теперь вернулся и подбросил дров.

Он не знал тогда, что это тепло будет самым дорогим и самым страшным, что с ним случится. Потому что человек, который привык к холоду, согреваясь, становится уязвимым. А уязвимость – это то, чего он не мог себе позволить.

Глава 8. Свадьба. 2006 год

Они поженились через год. Год, который Андрей запомнил как самый светлый отрезок своей жизни. Он не знал, что так бывает: просыпаться и чувствовать не тяжесть в груди, а лёгкость. Идти на работу и не считать часы до вечера, а ждать вечера, чтобы увидеть ее. Слушать, как она читает вслух Бродского или Цветаеву, и понимать, что эти слова наконец-то про него, а не про кого-то выдуманного.

Настя оказалась не просто девушкой со стихами. В ней была та самая внутренняя устроенность, которую он почувствовал в первый день. Она не пыталась его переделать, не требовала рассказов о прошлом, не задавала вопросов, на

которые он не хотел отвечать. Она просто была рядом. Тихая, внимательная, с её книгами, её лекциями, её студентами, которые ее обожали. Она жила в своем мире – мире слов, смыслов, оттенков. И этот мир оказался для Андрея убежищем, о котором он не смел мечтать.

Мать одобрила выбор. При первой встрече обняла Настю, заплакала и сказала: «Сынок, наконец-то у тебя будет дом». Димка приехал с Сахалина на свадьбу, привез ящик крабов и бутылку хорошего коньяка. Выпили на троих, помянули отца – Виктор Николаевич умер за два года до этого, в больнице на Первой Речке, от цирроза. Андрей не поехал на похороны. Не смог. Или не захотел – он до сих пор не разобрался.

Свадьбу сыграли скромно, без пафоса. В маленьком кафе на набережной, человек двадцать гостей – мать, Димка с женой, несколько Настиных коллег, пара старых знакомых. Андрей никого не звал из своей прошлой жизни. Олег звонил, поздравлял, но извинился: «Брат, не могу, я сейчас в Москве, дела». Голос у Олега был какой-то не такой – суетливый, будто он говорил, оглядываясь. Андрей не придал значения.

Они с Настей сняли однокомнатную квартиру на Баляева, недалеко от матери. Маленькую, с низкими потолками и крошечной кухней, но свою. Первое время Андрей каждое утро просыпался и не верил, что это реальность. Рядом – женщина, которая любит его не за деньги, не за связи, не за «мозги», а просто так. Запах её волос, чай на тумбочке,

который она ставила, пока он спал, её смех, когда он рассказывал что-то из армейской жизни, но без крови, а смешное. Всё это было так ново, что кружило голову.

На работе тоже всё шло хорошо. Михаил Борисович заметил его способности и повысил до заместителя начальника отдела. Андрей провёл несколько сделок, которые принесли фирме хорошую прибыль. Он работал чисто, в рамках закона, но с той самой «хитростью», которую впитал еще на рынке. Он знал, кому предложить бонус, кого пригласить на обед, как составить договор, чтобы у партнера не возникло желания его нарушить. Его ценили, платили премии, предлагали долю.

Всё было правильно. Всё было хорошо.

Но по ночам, когда Настя засыпала, положив голову ему на плечо, он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Тот же потолок, что в коммуналке, что в съемной комнате, что в казарме. Только теперь он был белым, чистым, без трещин. Но мысли были те же.

Он думал о том, что счастье – это, наверное, когда перестаешь задавать вопросы. Когда просто живешь, радуешься мелочам, строишь планы на отпуск, споришь о том, какие обои поклеить в спальне. Настя была счастлива. Она не задавала вопросов. Она просто жила. А он не умел. Он пытался. Он честно пытался быть нормальным мужем, ходить с ней в кино, на выставки, в гости к ее коллегам. Но на этих вечеринках, среди филологов и преподавателей, он чувствовал

себя чужим. Они говорили о Достоевском, о постмодернизме, о новых веяниях в педагогике. Он слушал и видел за их словами то же самое, что и в офисе – суету, самообман, желание казаться важными. Они были другими, но такими же. Просто их «крышей» была культура, а не криминал.

Однажды, вернувшись с такого вечера, Настя спросила:

– Тебе было скучно?

– Нет, – солгал он.

– Ты молчал весь вечер. Людмила Викторовна спросила, не обидели ли мы тебя.

– Я просто устал. Работа.

Она посмотрела на него. В её взгляде была нежность, но была и тревога.

– Андрей, ты всегда устаешь. Ты всегда молчишь. Скажи мне, что у тебя внутри? Я чувствую, что ты… не здесь. Ты рядом, ты замечательный, но иногда мне кажется, что ты смотришь на меня и на всё это из какого-то другого места. Оттуда, куда я не могу заглянуть.

Он обнял её, прижал к себе.

– Всё нормально. Просто я такой. Я люблю тебя. Этого достаточно?

– Достаточно, – прошептала она.

Но он знал, что этого недостаточно. Он знал, что рано или поздно стена, которую он выстроил между собой и миром, даст трещину. Или, что хуже, не даст. И он останется по одну сторону, а все, кого он любит, – по другую.

Он начал писать. Не в тетради, а на компьютере, который купил в рассрочку. По вечерам, когда Настя проверяла студенческие работы, он садился за стол и набирал текст. Не дневник, не наблюдения – что-то другое. Он пытался объяснить самому себе, как устроен мир. Не экономика, не политика – сама ткань бытия. Почему люди делают то, что делают. Почему одни командуют, другие подчиняются. Почему правда всегда оказывается никому не нужной, а ложь – удобной. Почему он, прошедший через всё, не может быть счастлив в обычной квартире с обычной женщиной.

Он писал быстро, словно кто-то диктовал ему. Страницы летели одна за другой. Он не перечитывал, не правил. Просто выгружал из головы то, что копилось годами.

«Мир держится на трёх китах: страхе, жадности и иллюзии свободы. Убери страх – люди перестанут работать. Убери жадность – некому будет работать. Убери иллюзию свободы – они поймут, что они рабы. И тогда рухнет всё. Поэтому те, кто у власти, поддерживают эти три столпа. Не явно, не прямо. Они делают вид, что борются со страхом, с жадностью, за свободу. Но на самом деле они лишь перенаправляют потоки. Страх перед нищетой заменяют страхом перед террором. Жадность к деньгам – жадностью к статусу. Иллюзию свободы выбора подменяют иллюзией свободы слова. Всё работает. Машина идеальна. И я часть этой машины. Я знаю ее устройство, но я не могу ее остановить. Потому что я – винтик. Самый умный

винтик на свалке, но всё равно винтик».

Он сохранял файлы в отдельную папку, ставил пароль и ложился спать. Настя иногда спрашивала, что он пишет. Он отвечал: «Рабочие отчёты». Она не переспрашивала. Она верила.

Верила до тех пор, пока однажды ночью не проснулась от того, что его нет рядом. Она вышла на кухню. Андрей сидел за столом, смотрел в монитор, и лицо его было – она потом рассказывала – лицом человека, который увидел то, что видеть не должен. Не ужас, не горе. Пустоту. Глаза открыты, но в них ничего нет.

– Андрей? – позвала она.

Он повернулся. Посмотрел на неё. Улыбнулся. Но улыбка была не его. Она была той самой, рыночной – для покупателей, для Длинного, для начальника. Вежливая, правильная, чужая.

– Иди спать, Настя. Я сейчас закончу.

Она не пошла. Села рядом, взяла его руку.

– Что с тобой происходит?

Он молчал. Долго молчал. Потом сказал:

– Я боюсь, Настя.

– Чего?

– Что я… закончился. Что я всё понял. И дальше – только повторение. День сурка.

– Какой сурка? – не поняла она. – У нас всё хорошо. У нас есть мы. Этого мало?

– Должно быть достаточно, – ответил он.

Он закрыл ноутбук, встал, увёл её в спальню. Они лежали в темноте, и он чувствовал, как она плачет, тихо, беззвучно, чтобы он не слышал. Но он слышал. Он всё слышал. И понимал, что делает ей больно. Но не мог ничего изменить. Потому что изменить себя – это единственное, что он не умел.

Глава 9. Сын. 2008 год

Осенью Настя сказала, что беременна. Сказала тихо, будто извиняясь, и Андрей в первую секунду не понял, что чувствует. Внутри что-то дрогнуло – не радость, не страх, а что-то более глубокое, первобытное. Он вдруг представил себя в том самом детстве, на Спортивной, с отцом, который не мог удержаться на ногах. Представил свои руки, протянутые, чтобы поддержать пьяного. И понял, что теперь эти руки будут держать не отца – сына.

– Ты не рад? – спросила Настя, и в её голосе прозвучала та уязвимость, которую он так боялся в ней услышать.

– Рад, – сказал он. И это была правда. Просто правда эта была сложнее, чем обычная радость. Она была замешана на страхе – страхе повторить чужую судьбу, страхе не справиться, страхе передать сыну ту самую пустоту, которая жила в нём самом.

Он обнял ее, положил ладонь на еще плоский живот, и впервые за долгое время не стал ничего просчитывать. Он просто стоял, чувствовал тепло её тела и думал: «Это моя семья. Моя кровь. Я не буду таким, как отец. Я буду рядом.

Я всё сделаю правильно».

Беременность Насти протекала тяжело. Врачи говорили о тонусе, о недостатке витаминов, о том, что нужно лежать, не нервничать. Андрей взял на себя всё: уборку, готовку, походы в аптеку и магазин. Он приходил с работы, надевал фартук, варил супы, гладил пелёнки – к которым Настя относилась с какой-то трогательной серьезностью, перебирая их, пахнущие детским мылом, складывая стопочками. Он делал всё спокойно, методично, как привык делать любую работу. Но внутри него что-то менялось.

Он стал чаще думать о прошлом. О том, как мать носила Димку, как они жили в коммуналке, как он, семилетний, сидел с братом, когда мать уходила на рынок. Он вспоминал запах молочной смеси, которой они кормили Димку, потому что у матери не было молока – недоедала. Он вспоминал, как брат плакал по ночам, а отец, если был трезв, брал его на руки и ходил по комнате, напевая что-то морское, бессловесное. Эти воспоминания приходили неожиданно, как приливы, и уходили так же внезапно, оставляя после себя осадок – горький, тягучий.

На работе он тоже изменился. Михаил Борисович заметил, что Андрей стал реже улыбаться, реже вступать в разговоры, но работал по-прежнему четко. Клиенты были довольны, сделки закрывались вовремя. Начальник списывал перемены на «молодого отца» и даже подарил на Новый год ящик хорошего коньяка – «для сугреву». Андрей забрал ко-

ньяк, поставил в шкаф и не притронулся.

В марте, в сырой ветреный день, Настя родила. Андрей был рядом – в коридоре родильного дома, который пах хлоркой и тревогой. Он сидел на пластиковом стуле, сжимая в руках пакет с вещами, и слушал, как за дверью кто-то кричит. Не Настя – у неё голос был низкий, она терпела, почти не издавала звуков. Кричала женщина в соседней палате. А он сидел и вдруг понял, что боится. Не так, как в засаде, когда сердце колотится и кровь приливает к лицу. По-другому. Холодно, вязко, до тошноты.

Когда медсестра вышла и сказала: «У вас сын, здоровый, три восемьсот, всё хорошо», – Андрей не почувствовал облегчения. Он почувствовал, что земля уходит из-под ног. Не потому, что плохо. А потому, что слишком хорошо. Слишком правильно. Слишком похоже на сон, который вот-вот кончится.

Сына назвали Виктором. В честь отца. Настя удивилась, когда Андрей предложил это имя – он никогда не рассказывал ей об отце подробно, только обрывками, без деталей.

– Ты хочешь, чтобы он носил имя человека, который… – она не договорила.

– Который не смог, – закончил Андрей. – Пусть будет Виктор. Чтобы помнить, как не надо. Чтобы я помнил.

Настя не стала спорить. Она понимала, что за этим стоит что-то важное, что он не может высказать словами. Она вообще многое понимала без слов – это было и её даром, и её

проклятием.

Первые месяцы с сыном были для Андрея откровением. Он не знал, что можно любить так сильно, так просто, без всяких условий. Маленькое, сморщенное существо с синими глазами и пухлыми кулачками стало центром его вселенной. Он мог часами смотреть, как Витя спит, как открывает рот в поисках груди, как хмурится во сне, словно решает важные вопросы. Он пеленал его, купал, носил на руках, напевая те самые морские песни, которые когда-то пел ему отец.

– Ты изменился, – сказала Настя однажды вечером, когда он укачивал Виктора и что-то тихо мурлыкал себе под нос. – Ты стал мягче. Я давно тебя таким не видела.

Он улыбнулся. Настоящей улыбкой, не той, дежурной.

– Наверное, он меня лечит.

Она подошла, обняла их обоих, прижалась щекой к его плечу.

– Главное, чтобы ты не закрывался. Ты всегда всё держишь в себе. А теперь у нас есть он. Мы семья. Нам нельзя прятаться друг от друга.

Он кивнул. Он знал, что она права. И он честно пытался быть открытым. Он рассказывал ей о работе, о смешных случаях, о клиентах. Он даже один раз рассказал о Длинном – не всё, конечно, но так, общими штрихами. Настя слушала, не перебивая, и когда он закончил, сказала:

– Ты выжил. Это главное. А всё остальное – просто опыт.

– Опыт, который не выкинешь, – ответил он.

– И не надо выкидывать. Ты – это всё вместе. Тот мальчик на рынке, и студент, и солдат, и теперь – муж и отец. Это не разные люди. Это ты.

Он задумался над её словами. Она была права – они не разные. Но почему тогда он чувствовал себя разорванным? Почему внутри него жило несколько человек, которые не ладили друг с другом? Рыночный пацан, умеющий улыбаться кому угодно. Холодный счетовод, просчитывающий чужие судьбы. Солдат, научившись убивать без сожаления. И вот теперь – муж, отец, человек, который хочет быть просто человеком. Они не сливались в одного. Они спорили, толкались, мешали друг другу дышать.

Он попытался записать это в своём тайном файле, но слова не шли. Впервые в жизни у него не получалось сформулировать мысль. Он сидел перед монитором, смотрел на мигающий курсор и чувствовал, как в голове густой, непробиваемый туман.

«Я не знаю, кто я, – написал он наконец. – Я думал, что знаю. Я думал, что собрал себя из кусков, как конструктор. Но куски не склеиваются. Они просто лежат рядом, делая вид, что они – одно целое. А Витя смотрит на меня своими синими глазами, и я боюсь, что он увидит эту трещину. Что он вырастет и поймет: его отец – не цельный человек, а собрание масок, которые носят одну фамилию».

Он сохранил файл, закрыл ноутбук и пошел в детскую. Витя спал, раскинув ручки, пуская пузыри. Андрей стоял

над кроваткой и смотрел на него. В тишине, в полумраке, он вдруг почувствовал, как что-то отпускает внутри. Не навсегда, на время. Но отпускает.

«Я не знаю, кто я, – подумал он. – Но я знаю, чей я. Я его отец. И этого, наверное, достаточно».

Глава 10. Щелчок. 2010 год

Всё случилось в обычный, ничем не примечательный вторник.

Андрей пришёл с работы раньше обычного – сделка сорвалась из-за того, что партнер из Кореи вдруг передумал. Ничего страшного, такие вещи случались, но внутри остался неприятный осадок. Он не любил, когда планы рушились. Он привык все контролировать, а тут контроль дал сбой.

Настя была на кулинарных курсах, которые посещала по вторникам. Витю забрала мать – они с бабушкой обожали друг друга, и Андрей был рад, что у сына есть этот островок тепла, которого у него самого не было. Квартира была пуста.

Он переоделся, поставил чайник, сел на диван. Включил телевизор – без звука, просто чтобы мелькало что-то на экране. Потом выключил. Взял книгу – Настя оставила на журнальном столике сборник Пригова, она готовилась к какой-то конференции. Пролистал, не вчитываясь. Положил.

Чайник закипел. Он встал, налил кипяток в кружку, бросил пакетик. Сел обратно. Сделал глоток. Горло обожгло, но он не почувствовал боли.

И вдруг – щелчок.

Это не было озарением. Не было вспышкой, ударом, откровением. Это было как будто кто-то внутри, глубоко в мозгу, щелкнул выключателем. И свет погас.

Он сидел на диване, смотрел в стену, и понимал: всё зациклено.

Он просчитал это сотни раз, но никогда не чувствовал так остро, так физически. Всё, что он делал, всё, что он строил, всё, чем он дорожил, – это виток спирали, который неизбежно приведёт туда же, откуда он начался. Работа? Он придет завтра на работу, заключить новую сделку, получит премию, купит что-то для дома, и через месяц, через год, через десять лет – будет то же самое. Деньги? Он может заработать миллион, может два, может десять. Он купит квартиру побольше, машину получше, отправит Витю в лучшую школу. И что? Через неделю после того, как он получит этот миллион, ему снова будет тоскливо. Точно так же, как сейчас.

Семья? Он любил Настю. Он любил Витю. Но любовь – это тоже механизм. Химия в крови, инстинкты, привязанность, страх потери. Он знал это. Он знал, как работают эти шестерёнки. И знание убивало чувство. Он смотрел на Настю и видел не просто женщину, а программу, которая заставляла его быть рядом, заботиться, защищать. Он смотрел на Витю и видел не просто сына, а продолжение себя – но продолжение, которое тоже замкнется, когда вырастет. Витя пойдет в школу, в институт, встретит девушку, родит детей, будет работать, будет копить, будет мечтать. И в какой-то мо-

мент, возможно, тоже ляжет на диван и поймёт, что всё это – движение по кругу.

Андрей сидел неподвижно. Чай остыл. В комнате темнело. Телевизор мелькал без звука – лица, жесты, улыбки, всё то же самое, что и вчера, и год назад, и десять лет назад. Только картинка стала ярче, а суть не изменилась.

Он вспомнил, как в детстве, на рынке, смотрел на бесконечную вереницу людей, которые проходили мимо их прилавка. Они были разными, но одинаковыми. Все хотели одного: дешевле купить, дороже продать, чтобы потом купить что-то ещё. Бесконечная гонка. Он думал тогда, что он – наблюдатель, что он видит то, чего не видят другие. Что он сможет вырваться. А теперь он понял: наблюдатель – это тоже часть системы. Он смотрит на беличье колесо, но сам в нём бежит. Просто бежит с открытыми глазами. И от этого бег становится невыносимым.

В какой-то момент он услышал, как открылась дверь. Настя вернулась. Она что-то говорила, смеялась, рассказывала про курсы, про то, как они готовили ризотто, и как у одной женщины пригорела кастрюля. Андрей слышал её голос, но слова не доходили. Он сидел, сжимая остывшую кружку.

– Андрей? – она подошла ближе, заглянула в лицо. – Ты чего? Ты меня слышишь?

– Слышу, – сказал он. Голос был чужой, деревянный.

– Что случилось?

– Ничего. Устал.

Она не поверила. Она всегда чувствовала, когда он врёт. Села рядом, взяла его руку.

– Андрей, посмотри на меня.

Он повернул голову. Посмотрел. Её глаза – карие, тёплые, с золотистыми крапинками – были полны тревоги. Он видел эту тревогу и понимал, что должен что-то сказать, чтобы ее успокоить. Должен улыбнуться, пошутить, обнять. Но внутри была пустота. Не злость, не боль, не отчаяние. Пустота. Абсолютная, как космос.

– Настя, – сказал он медленно. – Ты когда-нибудь думала о том, что всё, что мы делаем, – это просто… заполнение времени? Мы встаём, завтракаем, работаем, ужинаем, спим. Потом выходные – кино, парк, гости. Потом отпуск – море, горы. Потом снова работа. И так, пока не состаримся. И всё это – просто способ не смотреть в пустоту.

Она отшатнулась. Не физически, а взглядом. В ее глазах мелькнуло что-то, похожее на испуг.

– Ты о чём? – тихо спросила она. – У нас всё хорошо. У нас есть Витя, у нас есть… Мы строим жизнь. Разве это не важно?

– Важно, – ответил он. – Но я не чувствую этого. Я знаю, что это важно. Головой знаю. А внутри – ничего.

– Ничего? – голос ее дрогнул. – А я? А сын? Для тебя – ничего?

– Вы – другое, – сказал он. И это была правда. Настя и Витя были единственным, что держало его на плаву. Но они

не заполняли пустоту. Они были якорями, которые не давали утонуть, но и не давали всплыть.

– Я тебя не понимаю, – сказала она. – Ты стал другим. Ты изменился, Андрей. Я не знаю, что с тобой происходит. Ты всегда был… закрытым, но теперь ты просто… отсутствуешь. Ты рядом, но тебя нет.

– Я здесь, – сказал он.

– Где? Покажи мне! – она почти кричала, и это было так непохоже на нее, что Андрея кольнуло чувство вины. Но чувство вины было тоже головным, рассудочным. Он знал, что должен чувствовать вину, но не чувствовал её. Только знал.

– Настя, я не могу объяснить. Я сам не понимаю до конца. Просто… я понял, как всё устроено. И это убило во мне… не знаю… способность радоваться. Я смотрю на нашу жизнь и вижу механизм. Красивый, слаженный, но механизм. А я хотел… я не знаю, чего я хотел. Может быть, чуда. А чудес не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.